вѣть. Необходимо обезпечить какъ можно болѣе высокій минимумъ, поэтому необходимо какъ можно меньшія прибавки обезпечить квалифицированному труду. Такимъ образомъ съ одной стороны большій заработокъ обезпечивается при меньшемъ трудѣ, а съ другой стороны, устраняется стимулъ къ болѣе квалифицированному труду. Можно безъ напряженія получать установленный минимумъ заработной платы и не стоитъ дѣлать серьезныя напряженія для того, чтобы дать квалифицированную работу, которая оплачивается слишкомъ плохо. Наконецъ, рядъ мѣропріятій въ связи съ правилами о мобилизаціи, стѣсняютъ предпринимателей въ подборѣ рабочихъ.

Въ результатѣ такой политики товары въ Германіи не только достигаютъ уровня мировыхъ цѣнъ, но начали даже его превосходить. Отсюда угрожающее наденіе германскаго экспорта и въ этихъ условіяхъ не менѣе угрожающій ростъ импорта въ страну.

Совершенно очевидно, что пока въ этой политикѣ производства не произойдетъ рѣшительной перемѣны, нельзя и думать о возстановленіи хозяйства и о возстановленіи правильнаго денежнаго обращенія. Надо даже признать, что это болѣе важный, болѣе серьезный вопросъ, нежели занятіе Рура. Немного раньше, немного позже занятіе это окончится. Придется принять на себя обязанность тяжелыхъ платежей и дать соотвѣтствующія гарантіи. Въ сущности и сумма платежей болѣе или менѣе выяснилася. Конечно, отъ искусства веденія переговоровъ зависитъ, придется ли Германіи платить ежегодно нѣсколько сотъ милліоновъ больше или меньше. И само собой это для нѣмецкаго хозяйства весьма существенный вопросъ. Но куда важнѣе вопросъ о томъ, будетъ ли нѣмецкій рабочій производить ежедневно вдвое больше или вдвое меньше. И въ этомъ ключъ къ разумному разрѣшенію всего репараціоннаго вопроса. Если реальные залоги, которые будутъ предоставлены Франціи, сведутся къ тому, что будетъ введена разумно-хозяйственная эксплоатація объектовъ залоговъ, то возможность платежей будетъ установлена въ интересахъ не только Франціи и ея союзниковъ, но и Германіи.

Было бы непрагильно утверждать, что рабочій работаетъ такъ мало, потому что вслѣдствіе войны и связанныхъ съ нею лишеній онъ не въ состояніи нести прежній, теперь для него чрезмѣрный трудъ. Несомнѣнно, что война понизила физическую силу германскаго рабочаго, но эти физическія послѣдствія въ значительной своей части уже исчезли и недостаточная производительность связана съ условіями труда, а не съ способностью населенія къ таковому. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны указанія въ программной рѣчи министра государственнаго хозяйства. Производительность труда во всѣхъ тѣхъ областяхъ, когда онъ оплачивается сдѣльно, почти достигла производительности довоеннаго времени. И въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ вмѣстѣ съ этимъ способомъ оплаты внесены и техническія усовершенствованія, эффектъ работы даже превосходитъ довоенный. Между тѣмъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ рабочій трудъ оплачивается по часамъ, его производительность составляетъ 50% довоенной производительности.

Кажется къ этой характеристикѣ значенія рабочаго вопроса въ современной Германіи не приходится ничего добавлять.

Впрочемъ представители рабочихъ организацій и не отрицаютъ факта значительной пониженности производительности труда въ связи съ болѣе короткимъ рабочимъ днемъ. Но они утверждаютъ, что это именно и желательно, такъ какъ рабочій до войны получалъ слишкомъ мало, а работалъ слишкомъ много. Поэтому вновь создавшееся положеніе рабочіе и должны всѣми силами отстаивать.

Совершенно естественно, что рядовой рабочій, не способный къ квалифицированному труду (совершенно безразлично въ силу какихъ причинъ) съ завистью смотритъ на лучшую оплату квалифицированнаго труда, едва ли дѣлая въ своемъ чувствѣ зависти особое различіе между мастеромъ, инженеромъ, директоромъ завода—предпринимателемъ хозяиномъ. Совершенно естественно его стремленіе улучшить условія своей жизни. Такое улучшеніе должно содѣйствовать подъему культурнаго уровня человѣчества. Но совершенно нецѣлесообразно, что такое желаніе проявляется въ такой моментъ, когда объективныя условія хозяйства требуютъ максимальнаго напряженія энергіи при минимальномъ потребленіи. А могутъ ли быть какія либо сомнѣнія въ томъ, что мы переживаемъ именно такой историческій періодъ?

Война разрушила колоссальныя состоянія, разрушила сбереженія многихъ поколѣній, уменьшила наиболѣе трудоспособную часть населенія... Неужели это подходящее время для того, чтобы вести классовую борьбу за улучшеніе жизненныхъ условій рабочаго населенія путемъ уменьшенія количества труда?

Германія (какъ и Россія) оказались въ этой борьбѣ побѣжденными. Неужели не очевидно, что въ силу закона — горе побѣжденнымъ, отъ примѣненія котораго современный побѣдитель отнюдь не склоненъ отказаться, рабочимъ этихъ странъ, менѣе нежели какимъ либо другимъ удастся именно теперь улучшить свое экономическое положеніе. Это не можетъ удастся, хотя бы вся полнота власти оказалась въ ихъ рукахъ. Мы видимъ, какова экономическое положеніе рабочаго въ Россіи, гдѣ диктатура оказалась въ его рукахъ.

До тѣхъ поръ пока въ Германіи не будетъ возстановлена довоенная производительность труда, никакіе финансовые законы, но нуждѣ издаваемые, не спасутъ положенія.

А. Каминка.

Печать.

Въ статьѣ озаглавленной «Совѣтскіе методы въ Берлинѣ» «Lok. Anzeiger» напоминаетъ о 1918 годѣ, когда Іоффе щедро снабжалъ германскихъ коммунистовъ русскимъ золотомъ для организаціи революціи и, въ связи съ найденнымъ складомъ оружія, утверждаетъ, что теперь повторяется тоже самое. Газета называетъ рядъ лицъ, пребывающихъ сейчасъ въ Берлинѣ, которыя отличились въ Россіи массовыми убійствами.

И въ то же самое время русскій народный комиссаръ финансовъ домогается того, чтобы совѣтскій рубль и червонецъ безпрепятственно былъ ввозимъ въ Германію. Повидимому московскимъ молодцамъ кажется уже слишкомъ дорогимъ тратить доллары на оружіе для гражданской войны въ Германіи.

*

Въ рядѣ фельетоновъ «Правда» описываетъ какъ живетъ деревня. Касаясь вопроса о настроеніи крестьянъ «Правда» утверждаетъ, что

властью крестьянинъ доволенъ.

Затѣмъ, однако, слѣдуетъ «но» и этихъ «но», которыя

раздражаютъ деревню и вызываютъ съ ея стороны недовольство,

очень много. Прежде всего, какъ мы неоднократно на это указывали, это совѣтскіе чиновники и взятка. Безъ взятки шагу нельзя ступить. Во вторыхъ,

неблагопріятно отзываются крестьяне о совхозахъ, которыхъ имѣется въ селѣ два или три.

Оказывается, что никакихъ совхозовъ нѣтъ. Земля просто сдается въ аренду и притомъ бывшимъ крупнымъ кулакамъ.

Но и это еще не все. Дальше слѣдуетъ налоговой вопросъ.

Въ этомъ году были десятки налоговъ и поборовъ.

Самогонъ процвѣтаетъ во всю. Борьба съ самогономъ ведется усердно, но вотъ, что понимаетъ «Правда» подъ борьбой съ самогономъ.

Чортъ его переборетъ. На дняхъ вотъ я выпилъ полбутылочки, боролся еще съ нимъ, но мнѣ показалось мало. Выпилъ еще столько же и что же — какъ я не боролся, а онъ меня все таки повалилъ. Не выдержалъ.

Именно этотъ методъ борьбы усвоила совѣтская милиція. Она является на мѣсто преступленія

здѣсь выпиваетъ, закусываетъ, забираетъ на дорогу бутылки двѣ и считаетъ свою миссію законченной.

Очень радуется газета тому, что положеніе женщины измѣнилось. Бракъ ее не учитаетъ.

Разводы мужа съ женой приняли стихійные размѣры. Разводятся всѣ, кому не лѣнь. Сейчасъ можете встрѣтить огромное количество примѣровъ, когда дѣвица въ теченіе одного года выходитъ по нѣсколько разъ замужъ.

Слово замужъ «Правда» помѣщаетъ въ ковычки. И это совершенно правильно, конечно. Къ этому еще газета прибавляетъ, что «не ведется почти никакой политико-просвѣтительной работы» и что нарисованная картина является общей.

Такъ пожалуй живутъ крестьяне значительной части селъ и деревень нашей необъятной республики.

Разгрузка Константинополя.

Американскій комитетъ на двухъ пароходахъ 7-го и 11-го сентября отправилъ въ Америку около 400 русскихъ бѣженцевъ, въ томъ числѣ и группу студентовъ въ 18 человѣкъ. Въ Канаду со времени открытія записи отправлено 160 человѣкъ, внесшихъ полностью плату за проѣздъ. Вопросъ о льготной отправкѣ остальныхъ записавшихся не получилъ еще благопріятнаго разрѣшенія. Лига Націй въ настоящее время озабочена вывозомъ изъ Константинополя русскихъ, находившихся на службѣ у англичанъ и французовъ.

28-го августа отправлено во Францію 340 человѣкъ (изъ коихъ двѣ трети бывшихъ служащихъ англичанъ и французовъ). Въ ближайшее время предстоятъ новыя отправки во Францію и Сербію. Лигой Націй былъ возбужденъ вопросъ о вывозѣ изъ Константинополя значительной части русскихъ бѣженцевъ въ Болгарію; съ этой цѣлью въ Болгарію выѣзжалъ константинопольскій представитель г. Чайльдсъ, но вопросъ остался не разрѣшеннымъ и будетъ обсуждаться Лигой Націй въ Женевѣ при участіи представителя болгарскаго правительства.

Желающихъ покинуть Константинополь много, но полученіе визъ куда бы то ни было крайне затруднительно; между тѣмъ положеніе большинства русскихъ въ Константинополѣ изъ-за сокращенія и отсутствія заработка становится съ каждымъ днемъ все труднѣе.

*

Денежную помощь русскимъ бѣженцамъ уѣзжающимъ изъ Константинополя оказываетъ также «Американское Общество Христіанской Науки». Американская Организація помощи на Ближнемъ Востокѣ «Near East Relief» прекращаетъ съ 1-го октября свою дѣятельность въ Константинополѣ; съ 1-го октября также прекращаетъ свою дѣятельность въ Константинополѣ Американская организація помощи на Ближнемъ Востокѣ.

Путешествіе къ вѣдьмамъ.

Листья.

Вы вновь ко мнѣ воздушныя видѣнья...
Гете.

У колоніальнаго магазина очередь за масломъ. Хвостъ. Стоятъ не нашимъ гуськомъ, а по четыре въ рядъ, солдатской шеренгой. По-заводно.

По сѣрымъ панелямъ мететъ листья, бурые корабли осени. На чугунной рѣшеткѣ, у моего подъѣзда, вьющъ вьется нунцовыми и желтыми пятками. Это кажется осень... — вы знаете — въ воздухѣ какъ-будто пахнетъ осенью. Вы куда ѣдете?

— Въ Парижъ. А вы?

— Я — тоже, куда-нибудь.. Теперь — кто куда, какъ корабельныя крысы...

Листья, бурые корабли осени. На нашей площади, вокругъ старыхъ часовъ, старые клены отряхиваютъ свои багряные плащи, а въ прорѣхахъ свѣтлый холодъ неба.

А вдругъ, правда, — погаснетъ зимой Берлинъ, газовыя трубы полопаются, какъ въ нашей петербургской коммунѣ, заростутъ травой трамвайные рельсы и трескутъ отъ холода стулья и комоды — дома, а маленькіе коммунисты грядущія поколѣнія, во имя которыхъ дѣлаемъ мы все, — будутъ вымирать отъ голода, какъ у насъ — цѣлыми косяками...

Я лучше куда-нибудь уѣду. Въ Берлинѣ — осенняя скука. Въ Берлинѣ каждаго видно насквозь. Человѣкъ составленъ нынче изъ пиджака, валюты и вины. И всяческіе люди дѣлятся нынче такъ: куда-бы еще бѣжать отъ большевиковъ, или какъ-бы половѣе заползти къ большевикамъ. А другихъ нѣтъ. Не людѣ, а дрожащіе овечьи хвосты...

Нѣтъ, правда,—надо куда-нибудь удирать изъ Берлина.

О Гальберштадтѣ, дорожномъ столбѣ и Гейне.

Въ Берлинѣ неба нѣтъ, или очень мало: сѣрыя заплатки межъ крышъ, проводовъ и трубъ.

Въ вагонное окно я заглянулъ, помню, подъ Гальберштадтомъ. Еще подумалъ — вѣроятно снова стальныя жилы рельсъ, красные пакгаузы, желтыя рекламы — чернила «Пеликъ». И вдругъ, въ окнѣ, — просторъ неба и желтый шелкъ полей. Городъ кружитъ вдали, клубами синяго тумана. Колокольня — легкая синяя стрѣла.

На сжатыхъ полосахъ — скирды, бабки, какъ у насъ. Рыжіе и тяжелые, точно ржаные кони, съ бѣлосыми гривами, далеко тянутъ косилки. Лопасти вертятся въ воздухѣ, какъ колеса старинныхъ пароходовъ.

Синяя стрѣла колокольни отходитъ влѣво, — далекая, плавная, рѣющая. За колокольней идутъ облака — разорванныя бѣлыя паруса...

Подъ желѣзнодорожнымъ откосомъ согбенная старуха тащитъ хворостъ. На жнивьяхъ распряженныя лошади. Взблескиваетъ мѣдная сбруя. Въ синемъ небѣ громадный возъ ржи какъ лохматый катафалкъ туземнаго золота. На верху — человѣкъ въ сѣной рубахѣ. Синяя бабочка трепещетъ надъ золотымъ катафалкомъ.

У меня въ рукахъ путеводитель по Гарцу. Послѣ сладкаго простора, рѣющей синевы — почему-то стыдно читать сѣрыя буковки — отели, Bad Harzburg, автобусъ, пансіонъ, 1047 мет. надъ ур. моря.

«Гарцъ былъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Гете, тогда какъ Шиллеръ Гарцъ не посѣщалъ».

Пролетаетъ у окна дорожный столбъ... Тогда какъ Шиллеръ... А вотъ кто-то другой въ Гарцѣ былъ. Въ путеводителяхъ о немъ ни слова. Другого звали — Генрихъ Гейне...

Мимо косого столба катался Гейне въ тѣ, зеленомъ почтовомъ дилижансѣ. Коричневый дорожный сюртукъ, острыя колѣнки обтянуты брюками со штрипками, въ рукахъ мохнатый цилиндъ-труба сороковыхъ годовъ.

Вѣтеръ отметаетъ рыжеватыя пряди. Кучеръ трубитъ въ загнутый рогъ. Устало поджимаются насмѣшливыя губы Гейне.

Каменный 00.

Герцогство Брауншвейгское — словое, коричневое и темно-зеленое, океанъ лѣсовъ.

Въ Браунлаге — бѣлыя дома, красныя черепицы. Это деревня пансіоновъ, деревня для пріѣзжающихъ. Направо — Червивая Гора, а налѣво, въ туманѣ, — Брокенъ.

Въ Браунлаге живетъ мой добрый знакомый, молодой поэтъ.

Съ нимъ мы собирали на Червивой Горѣ грибы. Поэтъ терялъ pince-nez, натыкался на стволы сосенъ и вытягивалъ изъ земли поганки вмѣсто бѣлыхъ: — по близорукости...

По вечерамъ я сидѣлъ на балконѣ. Лощины уже въ сиреневыхъ поволокахъ тумана. Мерцаютъ огни — влажныя звѣзды. Горныя стада умиротворенно бряцаютъ колокольцами. Точно ровный гулъ пчелъ, отяжелѣлыхъ за день...

Луна — тонкій ободокъ серебрянаго колечка — ныряетъ, карабкается въ темныя облака. Видно какъ набѣгаютъ на луну тѣни, страшилища: верблюды, слоны, горбатые драконы. Вѣдьмы гонятъ на Брокенъ въ своихъ чудовищныхъ экипажахъ. Такъ старики говорятъ. Такъ раньше вѣрили. А я глядѣлъ на луну и думалъ, что вѣдьмъ больше не бываетъ, что марка падаетъ и я не знаю сколько сдеретъ съ меня хозяйка, и что-то будетъ зимой и зачѣмъ-то бѣгутъ изъ Берлина, а тутъ такъ мирно и сонно, — какъ всегда, гудятъ въ вечернемъ туманѣ гудкіи пчелы, — колокольцы стадъ.

На балконъ, по вечерамъ, приходилъ мой близорукій поэтъ. Мы оба слушали молча засвѣжѣлую тишину. Разъ поэтъ сказалъ:

— Смотрите, тамъ строятъ новый отель. Работаютъ день и ночь. При рефлекторахъ. Выстроятъ въ двѣ недѣли. Въ темномъ лѣсу, ночью, пылаютъ электрическіе костры. И зачѣмъ только строятъ новый отель, — вѣдь закатъ Европы, военныя разгромы, соціальный переворотъ, коммунисты къ зимѣ?..

А утромъ замѣтилъ я, какъ возятся два измазанныхъ известкой каменщика у задней стѣны нашего пансіона.

Спросилъ — въ чемъ дѣло. Отвѣтили — дѣло въ томъ, что былъ деревянный 00, а будетъ каменный.

О закатѣ Европы и грядущихъ катастрофахъ я каменщикамъ не говорилъ.

Зачѣмъ-то строятъ. Во что-то вѣрятъ. Я думаю они вѣрятъ въ простую, обычную человѣческую жизнь, которая была и будетъ на землѣ.

Карета Гете.

Не мы одни идемъ на Брокенъ.

Въ низинахъ, въ городахъ, сожранныхъ желѣзомъ и камнемъ, у людей ничего не осталось, кромѣ страха: что будетъ завтра и кто, новый, придетъ завтра мучить — Руръ, долларъ, война, коммунисты...

Скучно въ низинахъ.

А на Брокенѣ — живутъ вѣдьмы. Вѣдьмъ, конечно, не бываетъ, все вздоръ и лепетъ старыхъ сказокъ, но на Брокенъ идутъ искать то, чего уже нѣтъ въ низинахъ: искать старыя сказки.

Горная желѣзная дорога, ржавыя площадки, крошечные вагоны, лизгая и качаясь, гонятъ по хребту къ самой вершинѣ. Клочья дыма цѣпляются за корявыя сучья. Острые камни, черныя пугала елей. Косой дождь хлещетъ въ лицо молкнимъ градомъ.